

Мила Божович

ЖИЗНЬ ЖИЗНЕЙ

СтихоТворения

Мила Божович

Жизнь жизней. Стихотворения

«Издательские решения»

Божович М.

Жизнь жизнью. Стихотворения / М. Божович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907521-5

Некий критик назвала одно из этих стихотворений «куличиком из песочницы». Это очень точно и вполне может быть отнесено ко всей книжке.

ISBN 978-5-44-907521-5

© Божович М.
© Издательские решения

Содержание

СВЕТ	6
«Огонь потух. Рукою равнодушной...»	6
«Той девочки, лобастой и глазастой...»	7
«Только – молю – не отнимай этот...»	8
Эти слова	9
«Дни глухи, и стихи грустны...»	10
«Надеваю у порога...»	11
«Все-таки птицы поют ...»	12
«Нет и не было портрета...»	13
«Как радостно мечтать о том...»	14
«Синий вечер. Сильный ветер...»	15
«Кто зиму пережил...»	16
Ветерок	17
«Все мыслимые краски октября...»	18
«Светись, сиреневое деревце, пьяни...»	19
СМЫСЛЫ	20
«Вот и снова в душе поутихли и радость...»	20
«От неудачи к другой неудаче...»	21
«Как же хочу обуздать...»	22
«Когда друг за другом оставят тебя...»	23
Стихотворение	24
«Если даже и каждый оставит свои стихи...»	25
«Не уходи...»	26
«Свои отложив злочюченья, возьму...»	27
«Сквозь буквы, черные, как угольки...»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жизнь жизнью Стихотворения

Мила Божович

*И Книга книг написана,
и Песни песней сложены.
Пусть это будет Жизнь жизнью.*

© Мила Божович, 2019

ISBN 978-5-4490-7521-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЕТ

«Огонь потух. Рукою равнодушной...»

Огонь потух. Рукою равнодушной
все убрано. И горстки пепла нет.
Так жизнь, иным велениям послушна,
течет как прежде, хоть ее и нет
в душе глухой без чаянья и веры.

И пусть огонь питали лишь химеры,
но он пылал...

«Той девочки, лобастой и глазастой...»

Той девочки, лобастой и глазастой,
есть и во мне теперешней черты.
Из той инобытийной темноты
она глядит серьезно и бесстрастно
и словно ждет от вечности ответ —
кто и зачем позвал ее на свет?

Я вечность. У меня ответа нет.

Эти слова

...Молю – не отнимай этот странный дар – это стеснение в груди и волнение в крови...

Эти слова пришли, когда я, измученная многодневным жаром и болью, вдруг проснулась на рассвете в торопливом радостном волнении и почувствовала, что болезнь отступила. Утром я записала эту свою... молитву? нет, скорее мольбу о жизни, которая не только смерть, но и жизнь должна преодолеть, чтобы состояться. Так ясно это представилось тогда.

Вдруг настигло меня это воспоминание, и я подумала: вот и опять позади истерзавшие жар и боль, но какая разница! Тогда чувство возвращенной жизни, теперь – отхлынувшей.

...Как уютны ненастные дни поздней осени! В дождь с порывами холодного ветра в рано наступивших сумерках выглядываешь из себя, как из домика, где свет и тепло, и произносишь с наслаждением «холод», «ветер», «дождь», и такие это упругие, «настоященские» слова.

Видно, была у меня еще и неведомая мне северная Родина, и теперь она в крови, а определенных очертаний не имеет.

И как неведомая северная Родина, так и неведомое мне Я никогда не покидает меня, и это ощущение пустоты, отхлынувшей жизни преходящее, проходящее, уходящее – вот сейчас, в эти самые минуты.

А главное – никогда я не научусь с о ч и н я т ь стихи. Всегда они будут приходить – волнением в крови – как дар (пусть даже только мне) и часто немые. Ведь не просто так, а вспышкой осознания себя пришли тогда слова мольбы.

«Дни глухи, и стихи грустны...»

Дни глухи, и стихи грустны
и так же тленны,
как шаг и голос мой, и не-
обыкновенны.

Как всё, как каждый жизни жест,
как все, как каждый
неповторим. Кто был, кто есть —
не будет дважды.

И разве мы труха времен
на переключке?
Что ж погруженье в жизни сон
вошло в привычку?

Куда я золото несу
воспоминаний?
Мне не суметь, я не спасу —
со мной все канет.

«Надеваю у порога...»

Надеваю у порога
время черное мое.
Хорошо видна дорога.
Выразительно и строго
и как будто свысока
смотрят звезды. Что-то знают,
что не знаю я пока?

«Все-таки птицы поют ...»

Все-таки птицы поют —
в городе, в холоде,
и у щеки, не касаясь,
вьется снежок.

Кто-то за нами следит
зорко и молодо
и от морозного пламени
души зажег.

«Нет и не было портрета...»

Нет и не было портрета.
И незримого поэта
составляются черты
из надзвездной пустоты.
Не увидеть там глазами,
звук стиха последний замер.
Лишь таинственно и свято
мощью света все объято,
что имело плоть когда-то.

«Как радостно мечтать о том...»

Как радостно мечтать о том,
чего не будет никогда,
что недоступно и не воплотится,
и всеми силами души стремиться
к чему-то невозможному. О да!

И многое сбывается попутно,
поддерживая жизнь ежеминутно...

Но возникает снова – манит, вьется,
что лишь томит, а в руки не дается,
что не дается в руки никогда.

«Синий вечер. Сильный ветер...»

Синий вечер. Сильный ветер.
Колкий снег незло сечет деревья
да стучит в стекло.
Это не зима еще – предзимье.
Все темнее неба бархат синий,
в комнате особенно светло.

«Кто зиму пережил...»

Кто зиму пережил,
того волнует травки
протиснувшейся вид,
и кажется —
слеза готова капнуть,
так новью день томит.

Кто зиму пережил,
ступает как лунатик,
еще не сбросив сна,
и видит,
как летит на самокате
наперерез Весна.

Ветерок

Я хотел бы иметь тело,
но оно подвержено тлену.

Я хотел бы подать голосок,
но он тонок, а не высок.

Я хотел бы во тьме светиться,
но на чем удержать огонек?

И для вас я лишь ветерок,
овевающий ваши лица.

«Все мыслимые краски октября...»

Все мыслимые краски октября,
что целый день вбирала на просторе,
безмолвным восхищением горя,
я уношу в ошеломленном взоре.
В оцепененье призрачной зимы
ожившим впечатлением вернется,
как, всё в слезах, оглядывалось солнце
на золотую оторопь листвы.
Как вспыхнули верхушки темных елей,
березы безоглядно пламенели,
и, оцетинившись вокруг, трава
на жизнь свои не отдала права...

«Светись, сиреневое деревце, пьяни...»

Светись, сиреневое деревце, пьяни
в свой звездный час. Придут иные дни,
когда невидная соседняя сосна —
как незатейлива, о боже, как скучна, —
в ненастный вечер взор мой поразит,
едва он двор привычно обежит:
какая окрыленность! Что за статья!
И рядом неприметных два куста.

СМЫСЛЫ

«Вот и снова в душе поутихли и радость...»

Вот и снова в душе поутихли и радость
и боль.
Наступает пора облетевших деревьев,
прозрачного сада,
улетающих вдаль журавлей.
Так и надо:
кто не клюнул на жизни наживку,
тот стал ненамного мудрей,
Но намного темней и мертвей
он вступает под свод снегопада.
И надежды на то, что улыбкою снова душа
просветлится, что будет еще ей отрада,
с каждым разом все меньше...

«От неудачи к другой неудаче...»

От неудачи к другой неудаче
плохи дороги.
Сердце как мячик по рытвинам скачет
в смутной тревоге,
не разбирая,
 не понимая,
 не узнавая пути.

«Как же хочу обуздать...»

Как же хочу обуздать,
извести
эту боль неразумную...
Только что-то
ее возвращает
опять и опять мне
и мучает,
будто бы мною ведет —
вот как я
по бумаге ручкою —
и в раскаленном пространстве
свои создает письма.

«Когда друг за другом оставят тебя...»

Когда друг за другом оставят тебя,
и ты очнешься один,
узнай: единица больше нуля,
почувствуй, что есть еще ты у себя,
и Бог – подумай – один...

Стихотворение

Стихотворение В. Л. о больнице я полюбила тогда, когда смысл его стал прозрачен. А стихи его сложные, я многое не понимаю. Но и простые одновременно. И еще – он считает, что прячет прозу в поэзии. И действительно, «поэтичности» в них нет.

Как-то он, к слову пришлось, о девушке нам рассказывал (той, из стихотворения). Но я не вспомню, бытовые подробности моя память не удерживает. Или же я не дослушала. Он только начал рассказывать, как я воскликнула: «Это же из стихотворения ***!» Я вспомнила это стихотворение, и оно во мне благодарно распустилось. И дальнейшее я пропустила.

А подумала я сейчас о простоте. Элементарность в стихах отталкивает, а простота – это то, к чему приходится стремиться.

Сначала ты немного в стихотворении понимаешь, но оно тебя не отпускает (потому что ты чувствуешь, что оно не пустое-непонятное, а полное-непонятное; это всегда чувствуется). Так вот, ты думаешь над ним произвольно, произносишь про себя много раз темное еще слово или строки, и в какой-то миг смысл *проступает*. Становится простым, четким. А в элементарном смысла нет – оно мертвое, не думанное.

Впрочем, это просто цепочка мыслей. То, что зовется поэзией, ни в какие рассуждения не укладывается и, слава Богу, дышит где хочет...

«Не уходи...»

Не уходи.
Останься сейчас с собою.
Не уходи.

Не уходи.
Пусть другие тебя покинут —
так и уходят гуськом спина в спину.
Ты можешь позволить себе остаться.
Не уходи.

Не уходи.
Ты никогда не узнаешь,
кто был с тобой в эти дни,
только — что не один.

«Свои отложив злоключенья, возьму...»

Свои отложив злоключенья, возьму
тяжелый том Мандельштама.
В его помутившийся воздух войду —
и вздрогнет сердце обманно,
и не затянется рана.

«Сквозь буквы, черные, как угольки...»

Сквозь буквы, черные, как угольки,
огня еще я чувствую дыханье,
и он, угаснувший, в о с п л а м е н я е т.
На расстоянии моей руки,
что бережно чужой дневник листает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.